

МАСТЕР НЕКРОЛОГА

Александра Федоровича Сурина коллеги звали Мастером некролога. И не то чтобы как-то там за глаза, с насмешкой или поддевкой, на которых газетчики зубы съели, а в присутствии самого заведующего отделом писем – человека немолодого, еще советской закалки, но, надо сказать, и не старого, добывающего до пенсии последние деньки. Дело в том, что по паспорту Сурина настучало только сорок девять лет, а выглядел он на все шестьдесят: вызывающая лагерная худоба, скуластое, с глубоко ввалившимися глазами лицо, сальные, забывшие шампунь волосы. Но с лица, как известно, не воду пить, главное, чтобы человек был хороший. А он таким и был, с какой стороны ни глянь.

В светло-коричневом пиджачке, купленном еще во времена Леонида Ильича Брежнева, из-под которого выглядывал незнающий сносу свитер, а из кармана торчала шариковая авторучка – Александр Федорович походил на скромного труженика пера застойных лет, когда все до одной газеты в стране выходили под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Для полного соответствия образу ему не хватало разве что только очков со сломанными дужками и вузовского ромбика на лацкане пиджака. Повстречавшись с таким заведующим отделом писем, нечастые посетители редакции до конца дней уясняли, что газета – не только коллективный агитатор, а и коллективный пропагандист. Факт бесспорный.

И все бы хорошо, да беда, что во время обеденного перерыва, отводимого приличным людям на принятие пищи, вышеописанный господин-товарищ, как правило, отлучался в ближайшую забегаловку, и там – о, стыд и срам – принимал сто пятьдесят традиционных граммов водки. Заметьте, не сто, и не двести, а именно сто пятьдесят. И что характерно, без всяких там изысканных горячих блюд и не менее занятных холодных закусок, довольствуясь только запеченной в тесте сосиской и пластиковым стаканчиком сока. Дело в том, что семейная жизнь у нашего героя как-то не задалась, а для бобыля и холодная сосиска – божья благодать. И пока в его и без того ослабленном скудным питанием организме шла бурная реакция на выпитое, а вставные зубы усердно пережевывали хлеб, Александр Федорович весь как будто перерождался. Да так, что начинал болезненно осознавать свою особую исключительность и историческую необходимость для процветания нашего славного Отечества.

В редакцию он возвращался уже совсем другим человеком – неистовым борцом за счастье, равенство и братство всех народов! В считанные минуты преображался в доморощенного философа и оратора в одном флаконе – кто бы знал, как заведующий отделом писем любил поговорить, а говорил он в таких случаях до пены во рту – были бы слушатели. Чаще всего его единственной слушательницей и поклонницей литературного таланта была, естественно, сотрудница отдела – девятнадцатилетняя Лиза Мещерякова, устроившаяся в «Районные будни» сразу же после средней школы. И здесь надо отдать должное, что именно для нее, своей первой ученицы, Александр Федорович

больше всего и выкладывался, опираясь на примеры из отечественной и мировой классики.

Подняв, скажем, весьма актуальную ныне тему уличной преступности, Сурин так размахивал перед коллегой гоголевской «Шинелью», той самой, что сняли с бедного Акакия Акакиевича, что девушке слышалось, как с этой шинели, словно орехи сыпались на пол пуговицы. Хотя вероятнее всего, это были последние пуговицы с пиджака самого Александра Федоровича.

Если же слушателей не находилось, заведующий отделом, чтобы не впадать в творческую депрессию, тут же повторял свой поход в забегаловку. И уже там, в сизых облаках сигаретного дыма, растопырив локти на столе, норовил объяснить внимающей его словам тридцатилетней уборщице Любе, почему мы – великий народ так недостойно живем. И вечно поддатая с утра Люба, с крашеными в малиновый цвет волосами и выколотым на плече орнаментом, слушала газетчика как какая-нибудь пэтэушница, боясь шмыгнуть носом. Выговорившись, Сурин неуверенно поднимался и, не оборачиваясь, гордой походкой шел на автобусную остановку. Высокий, сутулый, неделями небритый, растрепанный - он выглядел так старо, что кондуктора в общественном транспорте принимали его за пенсионера и не спрашивали денег за проезд.

И только руководство редакции не давало ему никаких послаблений, а наоборот напрягало, как молодого солдата-первогодка. И ничего тут не попишешь, потому что, кто везет – на том и едут.

- Александр Федорович, - по-барски потягивая чай с лимоном, обратился к Сурину на утренней планерке главный редактор. – А вы слышали, что Лапшин умер?

- Это который? – напрягая память, переспросил заведующий отделом писем сухими, потрескавшимися губами – вчера бедная печень получила настолько сокрушительный удар алкоголя, что ее хозяин неизвестно как добрался до дома. С утра все встало с ног на голову: в больном теле – больной дух. Плюс слабость. И дикая жажда. Но, боясь опоздать на планерку, дисциплинированный газетчик не успел сделать спасительного глотка воды из ржавого крана. И теперь сознание отключалось. – Бывший председатель райисполкома или начальник налоговой – они ведь оба Лапшины?

- Тот, который председатель райисполкома, - улыбнулся тугодуму шеф. - Владимир Петрович Лапшин... Пока власти раскачаются с некрологом, напишите в завтрашний номер что-нибудь душевное. Хороший человек был.

- Сделаем, Николай Григорьевич, - как выброшенная на берег рыба тяжело дышал Сурин.

Он знал, что сделает непременно. И обязательно. Вот только глотнет воды. Ему не привыкать. Глаза боятся – руки делают. Обойдется без всяких советчиков, полагаясь на лежащие в нижнем ящике стола кондуиты. Именно там, подальше от посторонних глаз и редакционных крыс Александр Федорович хранит газетные вырезки своих статей о первых лицах района, руководителях предприятий, передовиках производства, прославленных земляках. Биографические данные и пожелтевшая фотография председателя

райисполкома должны быть где-нибудь на дне ящика, и чтобы докопаться до них, придется глотнуть пыли.

После планерки, задержавшись в кабинете, Сурин заговорщицки поинтересовался у главного редактора:

- Николай Григорьевич, это... бесплатно писать или, может, того самого... раскрутить администрацию на бабки?

Редактор махнул рукой:

- Так напишите...

- Сколько?

- Строк сто пятьдесят – двести. Больше не надо.

- Понял.

Из приемной Сурин загнанной ланью помчался в туалет, припал, присосался губами к крану, и глотал воду до тех пор, пока ни помутилось в глазах – только после этого разогнулся. Выпрямил спину. Постоял. И стал пить снова, про запас, как верблюд.

В кабинете устало бухнулся за компьютер, отдышался и придвинул клавиатуру, чтобы набрать первое и самое трудное предложение, которое должно идти из сердца. Дальше будет легче: привычные слова, без которых, в общем-то, никак не обойтись, построятся в строки, и траурными шеренгами абзацев двинутся вперед.

Но голова гудит, как самовар, ей, бедной, не до изящной словесности, не до некрологов... Тупо глядя в окно на сыплющийся с неба снежок, Сурин грыз и без того обкусанные ногти и мучился проблемой Николая Гавриловича Чернышевского: что делать?

И в это самое, как бы остановившееся мгновение бытия в дверях, как нарочно показалась знакомая вязаная шапочка Саши Горлова – известного городского сумасшедшего. Только душевнобольных и не хватало!

Сашины странности в редакции заметили еще в начале девяностых, когда он впервые принес в отдел писем свои стихи, и тут же, нараспев стал их декламировать. Потом неспешно, словно заслуженный артист раскланялся, и как бы, между прочим, вынул из кармана цветную фотографию Аллы Пугачевой:

- Моя девушка!.. Ничего?

- Ничего, но это же Алла Пугачева! – рассмеялись в отделе.

- А вы откуда знаете? – довольно засопел Горлов и шустро спрятал карточку в карман пальто.

В больницу его приложили через месяц, после того, как он взял моду прицепляться сзади троллейбусов. Взрослый мужчина, а повиснет на лесенке как пацан и рад до безобразия, что бесплатно едет. Но лечение на пользу не пошло, скорее наоборот: Саша стал более ранимым и истеричным. Если что не по нему – хрясть на землю и сучит ногами, как в припадке эпилепсии.

- Александр Федорович, к вам моно? – букву «ж» Саша Горлов не выговаривал. – Мне нуно узнать адрес приемной президента.

- Саша, давай в другой раз, - попытался отделаться малой кровью Сурин. – Дело у меня срочное, понимаешь, задание главного редактора.

- Ну, Александр Федорович! Я и конверт купил. Сейчас напишу адрес и сразу на почту, – не уходил завсегда от отдела писем.

- О чем президенту-то написал?

- Да о нашем российском бардаке, Александр Федорович! Пенсия у меня очень маленькая – пусть добавит...

- Понятно, - не делая попыток вникнуть в Сашины проблемы, Сурин продиктовал адрес. Если начнет рассказывать – сомлешь слушать.

Горлов уселся за свободный стол и засопел, колдуя над конвертом. Обратный адрес у него был написан черной пастой. Слова «Москва, администрация Президента» - он вывел – синей. А «Владимиру Владимировичу Путину» - красной!

- Спасибо.

- Да не на чем, Саша.

«А мне до пенсии палкой не докинуть», - выпроваживая посетителя, прикинул Сурин. И стал листать прошлогоднюю подшивку «Районных будней», может, придет что-нибудь толковое в голову.

Ага. Вот это он и искал: «Умер начальник РОВД». Уже легче, есть хоть какой-то образец: «После тяжелой продолжительной болезни на 56-м году жизни не стало Бориса Константиновича Брянцева, с 1997 по 2002 год возглавлявшего районный отдел милиции...»

А ведь крепкий был мужик этот Брянцев. Не пил. Не курил. В футбол играл. Каждое утро, как молодой пробежку по стадиону делал, в шортах, кроссовках, без майки... Но от инфаркта не убежишь. За год спекся: в квартиру на втором этаже по полчаса поднимался. Вот тебе и спортсмен! Говорят, что областное начальство его недолюбливало, по мелочам придиралось, чуть что – сразу на ковер. Преступность растет по всем статьям, раскрываемость хуже некуда – везде так. А он слишком совестливый был, все близко к сердцу принимал, переживал. Вот сам себя и загнал...

«Начинал карьеру рядовым милиционером в инспекции по делам несовершеннолетних, после окончания института работал оперуполномоченным уголовного розыска, заместителем, а последние годы до выхода на пенсию по выслуге лет - начальником РОВД. По жизни Борис Константинович был очень душевным, отзывчивым и доступным в общении с людьми человеком, что в наше время стало редким качеством среди руководителей, облеченных властью». Последнее предложение тогда Сурин вставил в назидание новому милицейскому начальству, чтобы от народа не отрывалось.

А это уже совсем другая история: во всю первую полосу газеты в черной рамке фотография улыбающегося мужчины и кричащий заголовок «Убит возле дома!» Ох, и набегался тогда Сурин ради нескольких строчек в газете. Но зато каких!

«В это невозможно поверить: от руки неизвестных грабителей погиб директор средней школы № 2 Валерий Борисович Соколов, отец двоих малолетних детей. Как стало известно редакции, в субботу поздно вечером Соколов возвращался из гостей, и возле самого дома на него напали какие-то

подонки, позарившиеся на норковую шапку и сотовый телефон. В результате тяжелых телесных повреждений, несовместимых с жизнью: открытой черепно-мозговой травмы и перелома основания черепа директор школы скончался на месте происшествия».

Убийц нашли через три дня – ими оказались два девятиклассника из соседней школы! Оба из неблагополучных семей. Как выяснило следствие, в тот вечер они нанюхались клея «Момент» и отправились на поиски приключений. И нашли... В силу несовершеннолетнего возраста каждый получил по четыре года лишения свободы.

Сурин умел писать о чужих смертях – это было как бы его тайным призванием. Что скрывать, но многих покойных он знал лично, с кем-то учился, про кого-то писал по работе, с кем-то даже выпивал – но всякий раз удивлялся, что из тысяч и тысяч живущих рядом смерть выбрала именно этого человека. И с каждым годом, да что там с каждым годом – с каждым месяцем чувствовал, что число давних знакомых, перебравшихся с этого света на тот, растёт, как в геометрической прогрессии. Свидетельство тому – все новые и новые ряды памятников на городском кладбище.

Оглянувшись в сорок девять лет на прожитую жизнь, он увидел позади столько вычеркнутых из будничной гонки ровесников, что завыл. По пьянке, конечно, но и на трезвую голову он отчетливо осознавал, что, если войны смерти косят его знакомых с таким усердием, то очень даже скоро – не сегодня, так завтра – доберутся и до него. Именно поэтому, с обреченностью прикованного к галерам гребца он пил горькую и писал этот непрекращающийся список утрат. Экзистенциалист районного масштаба, каждую новую смерть он пропускал через себя. Еще никто-никто, кроме близких родственников, и знать не знал о кончине известного в городе человека, а Сурин уже поминал его традиционными 150-граммами водки и подыскивал необходимые в таких случаях слова, чтобы завтра все прочитали их в газете.

О покойных принято говорить хорошо или ничего. На самом же деле это было далеко не так. Под рубрикой «Вместо некролога» газетчики могли напомнить об умершем такое, чего никогда не сказали бы ему при жизни. Чаще всего этим занимался главный редактор. Он вставлял в текст одну - две строчки, которые разбивали целые флотилии хвалебных газетных полос, ибо содержали в себе такую правду, что пугала и живых и мертвых.

Сурин по сравнению с ним был ангелом, потому что не хотел в столь скорбный час сводить с кем-то счеты. Но ради торжества справедливости, в отличие от всем известной Нины Андреевой мог запросто поступиться принципами.

Смерть председателя суда Баринаова случилась как раз, когда шеф жарился под щедрым солнцем Египта, и свою заметку Александр Федорович назвал «Сдало сердце»: «Никто никогда не знает, где и при каких обстоятельствах закончит свой жизненный путь. Не знал этого и председатель районного суда Василий Петрович Баринов. Он приехал в наш район двадцать лет назад, сразу же после окончания юридического института, первое время работал

следователем прокуратуры... – дальше, как водится, шло перечисление всех ступеней трудовой биографии покойного. А завершалась заметка в свойственной криминальной информации стиле: - Вчера вечером Василий Петрович заглянул в кафе «Арфа», а в половине первого ночи почувствовал себя плохо. Сдало сердце. Вызванная карета «скорой помощи» уже ничем помочь не могла. Судья скончался от обширного инфаркта».

На другой день, конечно, начался разбор полетов. Владельцу «Арфы», где после работы оттягивался Баринов, за слив информации в прокуратуре устроили показательную вздрючку. Наезжали и на Сурина, интересовались, откуда он взял и зачем написал такие подробности? Хотя то, что написано пером – не вырубишь и топором!

Но и это не все. Неделю спустя в заметке о безвременной кончине директора завода (тот повесился на даче) Сурин помянул, что покойного в конце 80-х называли прорабом перестройки, а осенью 1991 года он первым порвал свой партбилет. Это уже был вызов. И Александра Федоровича таскали к следователю, где под роспись «с моих слов записано верно, и мною прочитано» брали показания, что ему известно по факту самоубийства гражданина Петрова. А что ему было известно? То же самое, что и всему городу. Как у перекусившегося на волне демократии бывшего члена райкома Петрова хватило ума приватизировать родное предприятие и прибрать к рукам семьдесят процентов акций, а что делать с ними потом – его никто не научил.

Тогда, не зная, что ответить, чтобы от него отвязались, посмотрев следователю в глаза, Александр Федорович устало спросил: «Скажите, пожалуйста, в чем вы меня подозреваете? Неужели я написал неправду?» И следователь отстал, и прокуратура отстала. Куда им против правды?

«Горечь утраты» наконец-то настучал Сурин двумя пальцами. А что? Вполне приемлемый заголовок: в этом месяце в газете такого не было. Дальше пошло, как по маслу: «Нас постигла тяжелая утрата. 1 ноября на 81-м году жизни скончался бывший председатель райисполкома Владимир Павлович Лапшин... С именем Владимира Павловича связана целая эпоха в развитии нашего района... Он стал легендой своего времени...»

Зазвонил телефон.

- Редакция газеты, - поднял трубку Сурин.

Звонила Настя Крохина из отдела рекламы, приглашала перед обедом на фуршет по случаю дня рождения, что было очень даже кстати!

«Хорошая девчушка, старательная, надо ей что-нибудь подарить. Может, книжку какую-нибудь?» - завертел головой Александр Федорович. Осмотрев просевшие под тяжестью газетных подшивок и книг полки, он увидел томик Боккаччо «Декамерон», который ему в прошлом году всучили на день рождения. Главное, чтобы в книге дарственной надписи не было! А ее и не было – умные люди дарили. И хотя по большому счету дареное не дарят, это все равно лучше, чем придти с пустыми руками.

А Настя, надо отдать должное ее хозяйственной жилке, постаралась. Уставила стол всякими разносолами: солеными огурчиками, капустой, и

грибами – все с рынка. Бутербродов настрогала с вареной колбасой – а чего еще русскому человеку надо? Выпить да закусить. Водка на самом видном месте - две бутылки. Это пошли дурака за бутылкой водки, он одну и принесет. Настя же все предусмотрела, все продумала. И водки купила, и вина, и фанты на запивку. Даже об одноразовой посуде и бумажных салфетках позаботилась – прямо девочка из высшего общества. И гости уже почти в полном составе, как курок стоят на взводе, принимают к аппетитным запахам. Одно главного редактора не хватает.

- Ну что? Семеро одного не ждут? – сгорая от нетерпенья, подал голос Сурин, заранее зная, что без шефа праздник все равно не начнется.

- Начисляйте, Александр Федорович! – согласилась с ним новорожденная. Видно, прилично заждались – виноградные грозди трудящимися уже изрядно общипаны.

- Но прежде, чем приступить к почетной обязанности разливающего, позвольте от всей души поздравить виновницу торжества и вручить ей эту замечательную книгу! Как раньше говорили, книга – лучший подарок!

И тут Сурин с ужасом понял, что именно этот томик Боккаччо Настя подарила ему в прошлом году вместе с литровой бутылкой водки. Стыдоба! Не зря говорится, что от хронического алкоголизма один шаг до атеросклероза.

- А поцеловать? – в дверях как император Китая стоял главный редактор.

- С удовольствием!..

А дальше пошло, поехало, как во всех журналистских коллективах – только успевай наливать и закусывать. Естественно, между первой и второй – промежутки небольшой, чтобы пуля не пролетела. А третий тост, как водится, уже не просто за новорожденную, а за ее любовь, и вообще за любовь, большую и красивую! А потом за всех присутствующих дам! Мужчины пьют стоя, а женщины – до дна. И еще... И сразу...

И, конечно, всем страшно захотелось поговорить. Ну не могут наши журналисты без разговоров, никак не могут, особенно после выпивки. На этот раз всех понесло в воспоминания о газетных ляпах – тема-то уж больно благодатная. Да и вспомнить есть что, и кого. Того же Валерку Смирнова, который еще в годы горбачевской перестройки умудрился озаглавить свой материал о сельских передовиках «Сто граммов для комсомольцев не предел»!

- Понятно, что не предел, - в красках пересказывая ту бородатую историю, смеялся главный редактор. – Для нас с Александром Федоровичем тоже не предел, но ведь в публикации шла речь не о выпивке, а о ежедневном привесе молодняка! Просто в райкоме его не так поняли.

- Не ошибается только тот, кто ничего не делает, - вставил Сурин.

- Это и козе понятно. Но Валерке вообще больше всех везло на ляпы, - не унимался шеф. – И самое обидное, что происходили они не всегда по его вине. Помнишь, как, откликнувшись на призыв обкома комсомола написать о жизни сельских очагов культуры, Смирнов послал свой материал в «Ленинец»? – обратился он к Сурину. А для молодых уточнил: - «Ленинцем» - у нас тогда называлась областная молодежная газета.

Не знавшие этой истории напрягли слух.

- Село Смирнов знал лучше всех, как свои пять пальцев. И накатал он об одном сельском доме культуры чуть ли не целую полосу. Душевно так, трогательно, все кружки и клубы по интересам перечислил, и человеческий фактор подчеркнул, и руководящую и направляющую роль совхозного партбюро в деле воспитания молодежи отметил. Но! Областные журналисты посчитали, что тоже не зря свой хлеб едят. И сократили Валеркин материал вдвое – это у них там болезнь такая была все сокращать. Заголовок, естественно, поменяли. А для более красивой концовки в абзац о том, как самая активная участница художественной самодеятельности покидает клуб последней, вставили, что ее звонкий голосок слышится в сельском клубе до позднего вечера. Решили, что раз в самодеятельности занимается, значит, в хоре поет! А девчонка оказалась немой! Она от балльных танцев была без ума.

- Корреспондент «Северной правды» еще больше отчудил, - давал волю воспоминаниям Сурин. – Николай Григорьевич, помните, там одно время такой фельетонист был по фамилии Гаганов, толстый, в очках – его еще в обкоме все Поганов звали? Так вот этот Гаганов любил свои фельетоны разными афоризмами и пословицами украшать. Ради красного словца не пожалеет и отца. И критикуя как-то работу директора одного из отдаленных хозяйств, для пущей образности написал, что его левая рука, не знает, что подписывает правая. А у директора была всего одна рука – и та левая, правую-то он на фронте потерял.

- Ну и что за это было вашему Поганову? – поинтересовалась корректорша Маша.

- Да, в общем-то, ничего. Времена, когда за одну неверную букву людей в телячьих вагонах в Магадан отправляли, уже прошли.

- Так сразу и в Магадан? – не поверила Маша.

- А что? При Сталине, если вместо «Красной Армии» в газете выйдет «Крысная» - корректора в Магадан, а редактора в Волголаг!

- Но ведь даже у классиков мировой литературы случались ляпы, - подала голос именинница. – Я читала, что в «Ошибке аббата Муре» Эмиль Золя написал: «...Насупившись, она ела свой суп, не раскрывая рта»!

- А у Дюма в «Трех мушкетерах» есть фраза: «Он провел час, не дыша», - разливая водку, блеснул своей эрудицией шеф. – За работу без ляпов!

Не успели чокнуться и выпить, как бухгалтерия, растягивая слова, завела: «А кто родился в январе вставай, вставай, вставай! И чашу полную вина выпивай, выпивай, выпивай!» И все на удивление дружно подхватили эту долгоиграющую пластинку. Словно пионеры, стали вставать и наливать, наливать и выпивать...

В самом разгаре фуршета, когда с водкой было покончено, а вино и закуска еще оставались, шеф напомнил Сурину:

- Александр Федорович, не забывайте, с вас некролог!

«Какой некролог?» – чуть не сорвалось у заведующего отделом писем, но он вовремя спохватился, и бочком-бочком двинулся к двери. Конечно, если бы не главный редактор, то он вообще не вспомнил о некрологе! Пока держат

ноги, он уже собирался литься домой. Единственным желанием было взять по дороге бутылку пива на утро, чтобы похмелиться. Некролог убил его. И убил тем, что его ни на кого не спихнешь: Лиза Мещерякова укатила в командировку.

Стараясь ничего не уронить, Сурин обречено сел к компьютеру, и понял, что последняя стопка была лишней. У нас ведь как? Две стопки – мало. Пять – много. А семь в самый раз.

По экрану монитора успокаивающе плавали золотые в полоску рыбки. Зав отделом придвинул клавиатуру – и рыбки исчезли, оставив после себя недописанный с утра текст.

«Свой трудовой путь Владимир Павлович Лапшин начал в колхозе имени Крупской бригадиром бригады овощеводов, - кавалерийским наскоком выдал Сурин. Косо глянул в пожелтевшую газету с биографией и продолжил: - В 1941 году ушел на фронт».

Дальше шел сухой поминальник должностей, на которых успел поработать покойный, а газетному волку Сурину хотелось лирического отступления. Хотя бы небольшого, в одно – два предложения, чтобы как-то очеловечить весь этот сухострой. Он закрыл глаза, напрягся, вспоминая какие-нибудь простые, трогающие читательское сердце слова. Ничего путного в голову не шло - уставший организм одолевала вялотекущая дремота. Если бы не этот хренов некролог он уже давно пил пиво. Холодное. Прямо из горлышка, подстать нынешним «горнистам». И тут его вдруг прорвало: «Талантливые люди заметны сразу. Во многом благодаря смелости и мудрости принимаемых решений, Лапшин был назначен сначала заместителем, а через несколько лет и председателем районного исполкома Совета депутатов трудящихся».

Наконец-то, наконец, говоря спортивным языком, к нему пришло второе дыхание: «На протяжении двадцати лет его руководства районом на центральных усадьбах колхозов и совхозов выросли жилые дома, детские сады, школы, больницы, магазины, современные Дома культуры...»

Здесь вполне можно было бы поставить точку, но Сурин уже закусил удила и, несмотря на обговоренные сто пятьдесят – двести строк, продолжал кропать дальше: «Даже выйдя на заслуженный отдых, Владимир Павлович не мог оставаться безучастным к проблемам района, возглавлял Совет ветеранов. За свой боевой и трудовой подвиг он был отмечен высокими правительственными наградами: орденами Славы и Трудового Красного Знамени, многочисленными медалями. Невозможно поверить в то, что этого удивительного человека уже нет с нами. Утрата эта невосполнима для района, области, страны. Имя Владимира Павловича Лапшина навеки останется в наших сердцах».

- Отлично! – пробежав глазами распечатку, похвалил шеф.

Это означало, что заведующий отделом писем с чувством выполненного долга мог спокойно идти пить пиво. Так он и сделал. Душа требовала продолжения банкета. И Александр Федорович, ощущая себя полным тезкой оставшегося в русской истории Александра Федоровича Керенского, снизошел в знакомое пивное заведение, где на видном месте, как бесценный

раритет все еще красовалось объявление из советского прошлого: «После отстоя пены требуйте долива пива».

Его здесь знали. И он тоже многих знал. Среди завсегдатаев подвала было полно художников, правда, не тех великих, стригущих лавры в столицах и заграницах, а тех, кому в наши дни стало совсем худо. Худющие, лохматые бородачи, днем они толкали возле монастыря туристам свои незатейливые акварели и офорты, а ближе к вечеру оттягивались пивком. И, кажется, не было для них, да и для Сурина тоже в этот час минуты сладостней, чем та, когда после первого глотка, колупая бок вяленой вобле, они заводили свои долгие разговоры за жизнь.

- Федорович, рули к нам! – приветствовал его Федя Соколов, беззубый пятидесятилетний мужичок в китайском пуховике. С виду сморчок сморчком, а по части пейзажей подстать Шишкину. Беда, что самоучка. Да и в выпивке меры не знает. Из-за пристрастия к Бахусу его и к Союзу художников на пушечный выстрел не подпускают. – Ты последнюю «пулю» слышал? Говорят, Серега Хватов ласты склеил!

- Как склеил?

- А то ты не знаешь, как склеивают?! Махнул какой-то гадости, да, видно, лишка - почки и накрылись. На новом кладбище, говорят, его похоронили. Надо будет навестить маэстро...

Александр Федорович знал Хватова, пожалуй, не хуже, чем самого себя. Не раз писал про его вернисажи - художник в городе известный. По молодости лет, правда, раза два в психушке лежал. С диагнозом вялотекущая шизофрения, но как потом сам Серега объяснял, это он так от армии косил. А нынче на клиентов психбольницы большой спрос: он уже и в Москве выставлялся, и в Париже – на Западе русские модернисты в цене. В этом смысле Соколовские пейзажи были Сурина куда ближе Хватовских путан с кошачьими головами. Хотя, как известно, на вкус и цвет товарищей нет. Но, видно, не судьба Сереге стать вторым Сальвадором Дали. Говорят, что оставшуюся после матери однокомнатную квартиру он обменял на дачный домик в деревне, полученную разницу положил в банк и как бывлые рантье собирался жить на проценты. Но ничто не вечно под луной: банк лопнул, денежки плакали, а Серега впал в глубокий запой...

- Талантливый был мужик! – словно готовясь пустить слезу, хмыкнул носом Соколов. – Ты бы это, Федорович, со своим бойким пером тиснул про Хвата что-нибудь в газетке.

- Непременно... Я сегодня Лапшину такой некролог состряпал, что самому завидно стало.

- А что Лапшин тоже приказал долго жить?

- Скончался на 81-ом году жизни, царство ему небесное.

- Так помянуть бы надо?

Поминали до половины двенадцатого, пока их не стали выпроваживать. Феде Соколову, как натуре утонченной, грубость охранника пришлось явно не по нутру. Он попытался протестовать:

- Извините, но с людьми интеллигентными в наше время так нельзя...

- Ну, ты, институт конченный! – беря его за ворот, рыкнул, по всей видимости, недавно разжалованный мент. - Закрой свой рот, ты не в Овальном кабинете!

Поджав хвосты, приятели быстренько ретировались. Волю эмоциям они дали на улице:

- Вот так, брат, - бурчал Соколов. - Везде новые хозяева жизни, новые порядки! Кто был никем, те стали всем...

- Это еще как сказать! - хорохорился Сурин. – Мы ведь тоже не пальцем деланные. Не зря говорят, что пресса – четвертая власть. С нами только свяжись, мало не покажется!.. Зассым и заморозим! Подумаешь, какой-то охранник возомнил из себя два себя... Вот возьму завтра и позвоню хозяину этого кафе...

- И правильно сделаешь.

- Так, мол, и так... Это вас из редакции беспокоят, из отдела писем... Читатели газеты жалуются на вашего охранника, что вчера работал... Ведет себя с посетителями по-хамски, оскорбляет. Примите меры!.. И помяни мое слово, что он вылетит с работы, как пробка от шампанского...

- Давно пора.

...Как Сурин добрался домой, стреляй – не вспомнит.

А утром его вызвал главный редактор:

- Пишите!

- Что писать? – с трудом выходя из состояния невесомости, переспросил заведующий отделом писем.

- Некролог.

- По ком?

- По себе!

- Как по себе?

- Обыкновенно, как о других писали, так и о себе, любимом, извольте написать. Опыт у вас большой – не зря Мастером некролога зовут. Кстати, любопытно: сколько же вы их за свою жизнь настрочили?

- Не считал.

- А вы посчитайте!

- Попробую, - согласился Сурин. – Можно идти?

- Идите, Александр Федорович! И чтобы через полчаса некролог был готов.

«Платный?» – по привычке хотел переспросить зав отделом, но, подумав, что кто же за него, нищего, заплатит, согласился писать даром. И тут же поймал себя на мысли, что слишком уж легко он на это подписался. Мог бы и покочевряжиться. Не человек, а глина – лепи, что хочешь. Уважающие себя люди наверняка бы отказались! Да им бы и не предложили. Как такое можно? А ему сказали – и он пошел. Мало того, уже и сочинил первую строку: «Вчера в шесть часов утра после тяжелого и продолжительного запоя ушел из жизни член Союза журналистов России, дипломант всесоюзных и всероссийских конкурсов, заведующий отделом писем газеты «Районные будни» Александр Федорович Сурин...»

На глаза навернулись слезы. Буквы стали расплываться. Прощай, четвертая власть! Прощай, Лиза Мещерякова – верная ученица и помощница! Прощайте, друзья, коллеги, читатели!

В узкий редакционный коридор уже заносили гроб, длинный, несуразный, словно обитый красным бархатом пенал. Небритые мужики, с какими-то жуткими лицами, играючи управлялись с домовиной, словно она была не из сырых досок, а из пенопласта. Увидев стоящего в дверях Сурина, старший из них, по всей видимости, менеджер, кивнул ему головой:

- Принимайте, уважаемый, все, как заказывали. Можно примерить.

- Что примерить? – не понял Сурин. – Гроб примерить?..

- А что такого? Люди обувь покупают – меряют, а тут вещь более серьезная, да и не на один сезон – на века! Примерьте, не стесняйтесь – мы в коридоре постоим. Не зря говорят, что живые закрывают глаза мертвым, а мертвые открывают глаза живым. Это о нас, работниках ритуальной службы. Фирма у нас серьезная, не какая-нибудь однодневка, даже сертификат соответствия требованиям международного стандарта ИСО 9001 есть. Можем предъявить. В ритуальном бизнесе сейчас очень большая конкуренция. Чтобы привлечь клиента, мы и прижизненные заказы берем, и в кредит оформляем, и, как свадебные платья, даем на прокат.

- Спасибо, спасибо.

- Достойные проводы на тот свет – это все, что мы можем предложить вам на этом, - не унимался менеджер. - Вы писателя Вересаева, случайно, не читали? Очень, говорят, большой специалист по похоронной обрядности был. Писал, что провожать покойника непременно должны девушки с зелеными ветками, в белых одеждах... Если есть желание, можем и девушек по вызову с зелеными ветками устроить – фирма «Анастасия» в одном здании с нами находится. У них в первой половине дня все равно простой. А барышни, надо отдать им должное, хорошенькие, чистенькие, у каждой за плечами десятилетка или вуз... Красиво обслужат, эротично – не пожалеете!

- Ни к чему мне на том свете вся эта эротика...

- Можем предложить другие варианты. Для проведения гражданской панихиды у нас есть свой духовой оркестр: четыре трубы и барабан. Конечно, это вам не ансамбль песни и пляски имени Александрова, но все пользующееся спросом мелодии - от Шуберта до Шопена у ребят в репертуаре. Естественно у нас свой катафалк и автобус. А так как своего крематория в городе пока нет, имеем выходы на загородную котельную, работающую на твердом топливе – эффект тот же. Урны под прах всегда в ассортименте и только импортные. И не какой-нибудь там дешевый Китай, а самая настоящая Германия. По желанию клиента мы можем пристроить ее где угодно, вплоть до столичного колумбария на Новодевичьем кладбище. Последнее желание клиента – для нас закон.

- Что-то не по душе мне эти ваши колумбарии...

- Нет проблем! Если вы человек крещеный, православный – заказывайте церковное отпевание. Заочно – полторы тысячи. В церкви со священником – пять. С выездом на кладбище – семь. Настоятель храма – отец Григорий у нас

на полставки грузчиком оформлен. Бас, что у Шаляпина. Как грянет «Вечную память» не только у живых, у мертвых - мурашки по коже! Так как, выбрали?

- Погодите, ребята! Никуда я от вас не денусь... Что-то мне совсем худо.

- А кому сегодня легко?

- Если время терпит, перезвоните попозже...

...Звонок раздался буквально через минуту, резкий, настойчивый. Не в силах подняться, Сурин перевалился с дивана на пол и на четвереньках пополз к телефонному аппарату:

- Алло...

- Александр Федорович! Это Лиза Мещерякова из редакции...

- А-а, здравствуй, Лизонька...

- Шеф интересуется, как вы себя чувствуете?

- Плохо я себя чувствую, Лизонька. Совсем плохо... Да что я тебе рассказываю – сама видела, как гроб в редакцию приносили...

На другом конце провода испуганно замолчали. Но, напрягая слух, Сурин все же расслышал, как Мещерякова, закрыв трубку ладошкой, кому-то объясняет: «До чертиков допился – гробы мерещатся!»

- Александр Федорович, какой гроб? У вас там все в порядке?

- Все нормально, Лизонька, все нормально, - стряхивая с себя остатки сна, обрадовался Сурин. - Это у меня шутка юмора такая...

- Значит, сегодня на работу уже не придете?

- Вряд ли.

- А завтра?

- До завтра надо еще дожить... Захворал я, Лиза...

- Выздоровливайте, Александр Федорович!

- Постараюсь, - Сурин на манер морской черепахи заполз в постель и, чувствуя озноб, с головой укутался ватным одеялом. Все суставы, особенно ног, ломило так, словно по ним проехался гусеничный трактор. Нечто подобное, пожалуй, испытывают только наркоманы во время ломки да хронические ревматики, с ужасом вглядываясь в ползущие с неба струи дождя.

Отравленный этиловым спиртом и истощенный сухомыткой организм газетчика уже давно потерял всякую способность к сопротивлению и, образно говоря, напоминал несмазанную телегу, готовую в любой момент развалиться, но вопреки всякой логике все еще скрипящую по жизненной дороге. На беду Сурина с каждым годом он переносил похмелье все тяжелей: у него, казалось, уже не было такого органа, который бы не напоминал о своем существовании отдаленной болью. Словно поддетая на штык каждое утро ныла поджелудочная железа – и, вертясь ужом, Александр Федорович не находил себе места, скрипел зубами, выл, взывал к Богу.

Но около двух часов дня все же был вынужден подняться, привести себя в порядок и пойти в поликлинику. Разумеется, не ради лечения – тут участковый терапевт вряд ли чем поможет, а чтобы заручится больничным листом. Голубенькой бумажкой с треугольной печатью. И хотя Сурин прекрасно понимал, что день – два, а если попросит, так и целую неделю, он может взять на работе в счет отпуска – для этого и ходить никуда не надо, только сними

трубку и позвони главному редактору, он все равно потащился в поликлинику. Вот что значит для человека, которому с детства втемяшили, что без бумажки – он букашка, а с бумажкой – человек, привычка!

Он сидел возле кабинета врача и, пряча ноги под кушетку, любовался проходившими мимо медсестрами. Их легкие танкетки и туфельки на шпильках в отличие от его суконных ботинок не оставляли на паркетном полу никаких следов. А под его резиновыми подошвами красовалась целая лужа – и Александру Федоровичу постоянно казалось, что все вокруг смотрят на него с осуждением. Пенсионного возраста мужчина читал свежий номер «Районных будней».

- Вон в газете пишут, что Владимир Павлович Лапшин умер, - произнес он вслух. – Пишут, что на 81-ом году жизни умер...

- А на каком же? – похолодело в груди у Александра Федоровича: неужели вчера наврал что-то по пьяни?!

- Мы с Владимиром Павловичем вместе в исполкоме работали... - продолжал ветеран.

- А сейчас?

- Что сейчас?

- Чем занимаетесь? Работаете еще, наверное?

- Я свое, голубчик, уже отработал... Вот, думаешь, сколько мне лет?

- Лет, наверное, шестьдесят пять – семьдесят...

- А восемьдесят четыре не хочешь?

- Шутите?

- Какие, милый, могут быть шутки на девятом десятке лет? Вот смотри, - он протянул свою медицинскую карту, где рядом с фамилией стоял и год рождения - 1920. – Володька-то Лапшин был моложе меня на четыре года...

- Бобылев! – выглянула из кабинета медсестра, и долгожитель исчез за дверью.

«Наше поколение столько не протянет, - ухмыльнулся Сурин. – Дай бы бог до пенсии доскрести».

Он поднял с кушетки оставленную ветераном газету, и еще раз отстранено, как бы ставя себя на место подписчиков «Районных будней» перечитал свое вчерашнее творение. Складно получилось, как в песне – ни одного лишнего слова. Представив на минуту сразу всех читателей, склонившихся над «Горечью утраты», он, пожалуй, впервые за последние годы почувствовал в себе профессиональную гордость. Не зря его зовут Мастером некролога. Кто, кто еще в «Районных буднях» смог бы вот так душевно написать о давно забытом всеми чиновнике? Никто! Понятно, что незаменимых в газете не бывает, припахали бы к этому делу Лизу Мещерякову. Пошла бы девчонка в местную администрацию, получила сухую казенную болванку из личного дела и, расставив знаки препинания, добросовестно переписала. Хотя что удивляться? Лапшина она никогда не видела и не слышала. А у Сурина получилось чуть ли не художественное произведение. Родственники покойного сейчас над каждой строкой слезами обливаются: как живой Владимир Павлович получился в газете - вся его трудовая биография на виду.

И оперативность, как у сверхзвукового самолета: покойник еще без штанов в морге отдыхает, а народ его уже добрым словом вспоминает. Как бабка говорила, дорого яичко во Христов день!

Может, родственникам позвонить, слова сочувствия высказать, а между делом поделиться, как было трудно нужные сведения для статьи собрать – глядишь, и на поминки позовут.

У Сурина знакомо засосало под ложечкой. Но отправиться на поминки с больничным листом – верх цинизма. Что на работе скажут, когда узнают? К тому же, как не раз случалось, родственники весьма известных в районе людей, хоронили покойных на их малой родине - на каком-нибудь занесенном снегом сельском погосте.

Однажды, поддавшись соблазну проводить знакомого начальника автотранспортного предприятия в последний путь, Александр Федорович попал в такую глухомань, что вернулся только под утро. В красный уголок АТП, где стоял гроб, он пришел в надежде, что поминки будут справлять в ресторане, да получилась промашка. Полтора часа траурная процессия наматывала километры до соседнего райцентра, где покоились родители покойного. А мороз стоял, наверное, градусов двадцать девять! Плевков на лету замерзал. Метель. Ветер. Ноги у Сурина в суконной обуви стали дубеть, а в автобус не уйдешь. Дальше – не легче. Брат покойного под поминки городской Дом культуры снял. Здание огромное, а закуски из соседнего кафе привезли – все замерзшее, в рот не возьмешь. Хорошо, что водки было, хоть залейся. Брат же покойного таким совком оказался, что в самый разгар поминальной трапезы стал допытываться, кто есть кто. Заведующий отделом писем «Районных будней» ему не понравился больше всех. Хорошо с кулаками не полез – от пьяного человека, что угодно ожидать можно. Обрато поехали – народ в автобусе паять стал, так что домой Сурин добрался в третьем часу ночи.

Вот тогда Александр Федорович и дал себе зарок, что на поминки к незнакомым людям он больше не ходок. А то ведь из-за этих поминальных попоек на работе над ним стали подтрунивать, что, мол, помани Федоровича стаканом – так он с одного конца города на другой ночь – за полночь прибежит.

В народе говорят, что от работы лошади дохнут. Сурин был противоположного мнения. Просидев по больничному листу дома с неделю, он был готов от безделья раскрашивать на обоях цветочки. Пробовал читать, но уставали глаза. Тогда, завернувшись в одеяло, пытался философствовать на тему, что было бы с человечеством, если бы люди никогда не умирали. Или умирали, но только от насильственной смерти. Или хуже того, в один прекрасный день стали возвращаться с кладбищ домой... Интересная идея! Жаль только, что она до сих пор никому не пришла в голову.

На работе его ждали с нетерпением. Особенно шеф. Едва войдя в кабинет главного редактора, Сурин сразу понял, что будет жарко. Шеф или не допил вчера или перепил – одно из двух. Но им, членам редколлегии, от этого не легче. Начнет цепляться, как репейник - мало не покажется.

- А что интересного в завтрашний номер предложит заведующий отделом писем? - обратился Николай Григорьевич к Сурину.

- Так я только что с больничного, - чувствуя провал своих аргументов, ответил Александр Федорович. Хуже горькой редьки ненавидел он утренние планерки. Сиди, как дурак, не зная, что сказать. День-то еще только начинается – сейчас пойдут звонки, потянутся посетители – вот тогда бы и планировались. Сколько раз он предлагал перенести летучку на час позже – все, как мертвому припарка.

- Значит, вы предлагаете на первую полосу подробности своего пребывания на больничном? – усмехнулся шеф. - В форме репортажа с бинтом на шее или заметок на рецептах? Очень интересно! И это в последние дни подписной компании! Не знаю, кому нужна такая беззубая газета?

Он осмотрел присутствующих, как бы поверх голов. Но все знали, что это только маленькое затишье перед бурей.

- Неужели за два выходных дни в городе никого не убили, не изнасиловали, не взорвали? - словно собираясь сделать запись, главный редактор придвинул к себе ежедневник. - Да не может такого быть! Проявляйте инициативу, не ждите, когда милиция и пожарные разошлют по всем изданиям свои сводки! Работайте на опережение, обзаводитесь нужными знакомствами, связями, не бойтесь лишний раз оторваться от стула! Мы же работаем в условиях жесткой информационной конкуренции... Вот посмотрю, посмотрю на вас, больных да хворых – и уволю всех к едрене матери...

Сурин понял, что это касается именно его. Надо что-то говорить, не молчать. Промедление в данном случае, как и у вождя мирового пролетариата, смерти подобно.

- Ходят слухи, что наш известный художник-авангардист Сергей Александрович Хватов приказал долго жить, - вспомнив разговор в пивной, подал голос Сурин.

- Слава Богу! Хоть одна хорошая новость, - вздохнул шеф. – Если есть интересные подробности, пишите, Александр Федорович, в завтрашний номер хоть целую полосу. Если ничего другого нет – пошли работать! Талант, как говорится, не пропьешь! – добавил он негромко, когда народ уже потянулся к двери.

Легко сказать: «Пишите, Александр Федорович, хоть целую полосу». Было бы чего писать. Один дурак ляпнул спьяну, а другой озвучил. Но делать нечего: назвался груздем – полезай в кузов.

- Я пойду до монастыря прогуляюсь, - бросил Сурин Лизе Мещеряковой. – Не скучай!

- Постараюсь, - улыбнулась ему девушка.

Свою прогулку, как нетрудно догадаться, Сурин начал с кафе, где взял сто пятьдесят водки и двести газированного напитка с веселым названием «Колокольчик». После этого искать возле монастыря свой источник информации в образе Феди Соколова стало полегче. Жаль, что тот перед самым его приходом, как вскоре выяснилось, свалил домой.

- Привет, мужики, - обратился газетчик к художникам. – Что нового о судьбе Сереги Хватова слышно?

- С того света пока еще никто не возвращался, - сухо заметил неразговорчивый Боря Кустов, пятидесятилетний мужичок, работающий преимущественно по миниатюрной живописи на эмали.

- Откуда такие сведения? – пытал мастера огненного письма Сурин.

- Все говорят. Квартиру Хват поменял на загородный домик с доплатой... Деньги положил в банк, а банк накрылся медным тазом – запил, говорят, здорово. А водка нынче, сами знаете, какая...

- А кто это все говорит-то? – не унимался Александр Федорович. – Федя Соколов, что ли?

- Все говорят...

Да, это был ответ, достойный «Районных будней».

Но ничего большего Сурин так и не добился. Ни в милиции, ни в прокуратуре, ни даже в морге, где работал его знакомый судмедэксперт. Заведующий отделом писем нервно обкусывал заусеницу на ногте большого пальца. Уж лучше бы он промолчал сегодня на летучке! Но самое скверное, что, если Сурин сегодня ничего не напишет, то не завтра, так послезавтра какие-нибудь «Новые рубежи» преподнесут смерть Хватова, как сенсацию районного масштаба!

По молодости лет довелось Сурину побывать по туристической путевке в Болгарской Народной Республике, так там отпечатанные типографским способом сообщения о смерти близких людей с их фотографиями развешивались прямо на стенах домов. Вот бы у нас так – тогда не гадай на кофейной гуще: жив человек или нет!

Как ни пытался Александр Федорович в своем материале обойтись без констатации факта смерти Сереги Хватова, как ни прятался за всевозможными недомолвками, вроде «ходят слухи», «хоть и верится с трудом, но на чужой роток не накинешь платок», «до сих пор не могу поверить», главный редактор все это вычеркнул. Да еще дал публикации заголовок «Невозвращенный банковский вклад – цена жизни известного художника».

Первый звонок по статье раздался в отделе писем рано утром, когда Сурин только переступил порог редакции. Звонила сестра «покойного»:

- Вы что там совсем обезумели! – с трудом подбирая слова, возмущалась она. – Живого человека похоронили! Сережка вчера вечером у меня был, а вы в своей газетенке пишете, что вот уже неделю, как его с нами нет! Мы это так не оставим! Думаете, на вас нигде управы нет?! Ничего найдем!

«Некрасиво получилось», - понял Александр Федорович и вместо утренней планерки отправился в кафе снимать стресс. Сто пятьдесят водки сделали заведующего отделом писем менее уязвимым. Но звонки пошли вверх – главному редактору, и тот вызвал Мастера некролога к себе в кабинет:

- Александр Федорович, как же вы так опростоволосились-то? – только и смог произнести шеф. – Вам теперь легче закопать этого Хватова в могилу, пока он не закопал всех нас.

Лиза Мещерякова пыталась припомнить нечто подобное в других СМИ, но кроме случая в «Новых рубежах», когда вместо убитой корреспондент написал имя ее сестры с точно такой же фамилией, ничего не вспомнила. Тогда мнимая покойница отсудила у редакции за моральный вред без малого тридцать тысяч рублей. В ситуации с Хватовым было все гораздо серьезнее. Как-никак человек широко известный на Западе.

В конце недели в редакции нарисовался сам Хватов:

- Что же это вы, Александр Федорович, меня раньше времени-то похоронили? – с упреком обратился он к своему старому приятелю. – Ладно, раньше у нас времена тоталитаризма были, а теперь-то демократия. Некрасиво получается! Нехорошо!

Заведующего отделом писем снова потребовал главный редактор:

- Александр Федорович, что делать-то будем?

- Это насчет чего? – притворился деревом Сурин.

- Да все насчет вашего ожившего покойника. Четвертый день подряд покою нет – я уж и телефон пробовал отключать... Как же, сенсация века! В погоне за тиражом «Районные будни» хоронят живых. Не читали областную прессу? – шеф бросил ему под нос «Северный экспресс» и «Новые рубежи». – Почитайте! Глава района в ярости. Он и раньше нас недолюбливал, цеплялся к каждому слову – да что мне вам рассказывать? А тут напрямую заявляет, что, мол, сотрудники газеты допились до белой горячки – не ровен час, главу администрации похоронят или войну соседнему району объявят. Из Союза художников звонили, возмущались, из прокуратуры – требуют безотлагательного принятия мер! Так что берите бумагу – и пишите заявление об увольнении по собственному желанию.

- Как писать-то?

- Так и пишите: «В связи с ухудшением здоровья, прошу уволить меня по собственному желанию». Поставьте сегодняшнее число и подпись.

- А если...

- Никаких «если»! Сейчас спорить с главой района, все равно, что плевать против ветра. Себе хуже!

- Понял.

- Полгодика поработаете вне штата на гонораре... Материалы будете подписывать псевдонимом. Какие у вас псевдонимы?

- Александр Федоров, Федор Александров...

- Эти больше не пройдут. Возьмете новый. И лучше женский... - главный наморщил лоб. - Яна Касимова, например.

- Почему Яна Касимова?

- Александр Федорович, ну не все ли вам равно?

- Может, тогда лучше Александра Коллонтай? – Сурин еще мог шутить. – Мне хотелось бы знать, почему в ближайшие полгода я стану подписываться именно этим псевдонимом?

- Просто пришло в голову... Вспомнил, что у нас на журфаке была студентка Яна Касимова.

- Ваша любовь?

- Да-да, представьте себе, моя бывшая любовь! – заводился главный редактор.

- Можно в таком случае я возьму в качестве псевдонима фамилию своей первой девушки? Таня Романова?

- Можно... Ну и... Вот сбили меня, Александр Федорович, своим псевдонимом с мысли... Ах, да! Потом, когда все утрясется, успокоится, где-нибудь к середине следующего года вы снова вернетесь в редакцию на полную ставку. Вы же у нас Мастер некролога – куда без вас?

- А пораньше никак нельзя?

- Можно, конечно. Но только, если вы не будете со мной спорить по мелочам!

- В таком случае я согласен даже подписываться Яной Касимовой.

2005